

Упрощение уголовного процесса как тенденция к его исчезновению

Александр Брестер¹, Юридический институт Сибирского федерального университета (Красноярск)

Давайте представим себе, что небольшая группа вполне образованных людей решила создать свое государство. Среди сотни других основополагающих вопросов они решают и вопрос об уголовном процессе. Зачем он им нужен? Во-первых, в государстве должна быть процедура, которая гарантирует реакцию государства на деяние с признаками преступления. Во-вторых, поскольку процедура эта а priori будет затрагивать самые серьезные интересы и права, она должна гарантировать защиту от произвола государства. Вот их социальный заказ на уголовный процесс. Они тщательно продумывают процедуры, чтобы те соответствовали ожиданиям от процесса, пишут закон, выбирают следователя, судью и ставят перед ними цель: разбираться максимально подробно во всех случаях; сделать все, чтобы быть уверенным, что именно виновный человек понесет наказание. Все сходятся на том, что это крайне важно для их нового общества.

И поначалу все идет неплохо — государство молодое, население небольшое. Но вот наступает такой момент, когда энтузиазм тех, кто ведет расследование, иссякает, а дел становится все больше и больше. Расследовать их так же подробно, как и раньше, становится тяжело. Даже практически невозможно. Это отнимает много времени, сил. Сначала эту проблему пытаются решить расширением следственного и судейского аппарата, но до бесконечности его расширять не будешь — дорого, да и квалифицированных кадров не так много. А потом начинают думать, где и что упростить в работе, чтобы затраты — как финансовые, так и временные — были как можно меньше, а эффект от правосудия, хотя бы внешний (когда есть виновный и он наказан) — тот же.

Первыми подключаются следователи. Они передают «наверх» свои предложения, которые сформулированы по принципу «если бы этого не было, нам бы работалось проще». Проблема в том, что среди следователей уже почти не осталось тех, кто стоял у истоков уголовного процесса в этом новом государстве. Предложения подают те, кто пришел в момент большой рутинной работы и с представлениями о том, что процесс чересчур «захлавлен» разными процедурами. О появлении нового поколения следователей государство не заботилось. Критерий упрощения выглядит примерно так: если все со всем согласны и всем все очевидно, то можно закончить дело быстрее.

Судьи полностью поддерживают эти предложения и тоже требуют упростить свои процедуры, ибо их опыт позволяет практически сразу после начала процесса определить вину человека и примерный срок наказания. Какой смысл проводить полноценный судебный процесс? А тут еще и государство свой интерес почувствовало. Появилось много угрожающих государственному строю элементов. И разбираться с ними по всей процедуре очень тяжело.

Интересы вроде бы совпадают, и процесс упрощения неизбежно приводит к тому, что от первоначальной задумки не остается и следа.

История вымышленная, конечно. Она очень груба с точки зрения логики исторического развития, но придумана, чтобы ярче показать то, что происходит с современным уголовным процессом в России. Он исчезает как вид. Его заменяют сокращенные, ведомственные процедуры. Это отвечает, как было показано, интересам и тех, кто ведет процесс, и государства. И может даже показаться, что это отвечает интересам обвиняемых и потерпевших, ибо процесс ускоряется. Но это крайне недальновидный взгляд. Любой образованный человек понимает, что законный, полноценный, правосудный процесс — это как прививка обществу от очень многих болезней. Начиная от репрессий и заканчивая культурным и ценностным падением. Между обществом, живущим в среде реального правосудия, и обществом, для которого правосудие стало практически тайной упрощенной процедурой, существует большая разница.

Идея ценности процесса должна быть привита каждому оперативному работнику, следователю, судье. Он, несмотря на рутинность своей работы, должен понимать, что каждый полноценный процесс, проведенный им, оздоравливает общественную жизнь.

Итак, в современной России полноценный уголовный процесс — явление редкое. Он дорог государству в финансовом плане. Он тяжел для следователей и судей в плане количества времени и сил. Поэтому же-

¹ Александр Брестер, юрист, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярский край).

вание упростить процесс в сфере правосудия можно и несложно понять, даже, наверное, аргументировать, но в сфере правосудия сложности и формальности — не во вред, а во благо. Ведь за каждой адекватно введенной процедурой стоит свое основание, крепко связанное с целью процесса и его назначением. Современным работникам правоохранительных органов часто не хватает именно понимания оснований всего процесса и его отдельных процедур, и как следствие — не хватает осознания ценности процесса.

История упрощения

Одним из первых ярких проявлений желания упростить следственную работу стали изменения, направленные на регламентацию этапа возбуждения уголовного дела¹. Этот этап занимает особое место в современной следственной практике. По своему назначению это технический этап, где за три дня (с возможностью небольшого продления) должен решиться вопрос — можно ли здесь и сейчас утверждать, что преступления не было. И если по результатам проверки остаются сомнения, то необходимо проводить расследование. Но в ситуации стремления к упрощению в сочетании с тем, что есть некоторая воля на то, быть некоторым уголовным делам или нет, именно этот этап часто становится ключевым. Вопрос о дальнейшей судьбе дела решается в ходе проверки. Главным образом это выражается в желании решить все содержательные вопросы на этапе, который не имеет подробной регламентации, где неясны статусы участников, решения могут легко отменяться и приниматься, а возможности обжалования не такие широкие.

Стремление решить исход потенциального дела на этапе проверки потребовало дополнительных средств. Хотя прежних средств было вполне достаточно, если помнить, что этап проверки служит другим целям — убедиться в том, что признаки преступления имеются. Как итог реализации этих стремлений — в рамках возбуждения уголовного дела сегодня можно получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать защитника (хотя кого именно и как защищать — непонятно, так как фигур подозреваемого и обвиняемого еще быть не может).

Это вроде бы **еще не расследование, но уже не просто проверка. Это некоторый суррогат предварительного расследования, который приводит к постепенному сращиванию этапа возбуждения дела и предварительного расследования.**

Но это же расширение сыграло злую шутку, так как теперь, с другой стороны, труднее противостоять ситуации, когда есть политическая воля на отказ возбуждать дела той или иной категории или конкретного уголовного дела. Теперь, когда налицо признаки объективной стороны преступления, заявитель может потребовать провести дополнительные следственные действия, в случае проведения которых шансов отказать в возбуждении дела уже практически не будет.

Уже зафиксировано несколько случаев, в том числе широко освещенных в прессе, когда под различными предложениями отказывается в самом принятии заявления для рассмотрения дела в порядке ст. 144 УПК. Проводится даже целая проверка, итогом которой является вывод, что в заявлении нет ни малейшего намека на признаки преступления. Эти примеры явно показывают, что следствию крайне важно управлять возможностью решать судьбу дела как можно раньше, когда процедурных ограничений совсем немного.

Процесс постепенно переходит в ведомственную плоскость. Это означает, что первичную роль в регулировании уголовно-процессуальной деятельности закон играет лишь формально. Реальное регулирование скрывается в сформированных алгоритмах работы, в образцах деятельности, в позиции руководства, в ведомственных актах, письмах и т. п. Ведомственное толкование закона приобретает приоритетное значение для правоприменительной практики. С учетом большой текучки кадров в следственных органах эта ситуация особенно опасна. Приходящий работать молодой специалист попадает в мир «местечкового» регулирования, выбраться из которого самостоятельно он не может.

Ведомственному процессу закон либо помеха, либо буквальное оправдание действий следователей. Он сам изобретает механизмы, которые могут и напрямую противоречить закону, и прикрываться им. Не хватает времени на решение вопроса о возбуждении дела? Придумаем дополнительные проверки. Нет доследования? Придумаем, как это сделать после возвращения дела прокурору. Примеров масса.

Постепенно все ведомственные изобретения, «удачно» зарекомендовавшие себя, выходят на поверхность. Характерным становится постоянное лоббирование своих интересов со стороны Следственного ко-

¹ Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

митета РФ и МВД в плане упрощения следственных процедур. Иногда лоббирование происходит на совсем уж странном и скрытом уровне.

Так, некоторые адвокаты в 2013 году (да и раньше) стали сталкиваться с тем, что после неоднократно возвращения дела прокурором для проведения дополнительного расследования или при возобновлении приостановленного или прекращенного уголовного дела сроки следствия стали постоянно продлеваться руководителем следственного органа, даже в случае, когда общий срок давно превысил 12 месяцев. Действительно, согласно ч. 6 ст. 162 УПК срок для исполнения указаний прокурора устанавливается руководителем следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и не может превышать одного месяца со дня поступления данного уголовного дела к следователю. Дальнейшее продление срока предварительного следствия производится на общих основаниях. Но как быть, если прокурор возвращает дело уже не в первый раз, а общий срок следствия давно вышел за пределы одного года? Следственный комитет считает однозначно: каждый раз после такого возвращения срок может продлевать руководитель следственного органа. Хотя по этому поводу достаточно однозначно высказался Конституционный суд¹: такое продление возможно только один раз. Если прокурор вновь вернул дело, а срок следствия вышел за пределы установленного — продлевать в общем порядке (руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями до 12 месяцев, свыше 12 мес. — председателем Следственного комитета Российской Федерации и его заместителями). Такова позиция и прокуратуры, и адвокатского сообщества.

Но по сути, у следователей появилась легальная возможность не тревожить Председателя СК и его заместителей, хотя продление ими — дополнительная гарантия законности действий следователя, а также сигнал для контроля за затянувшимся расследованием.

Надо только отдавать дело прокурору и получать назад. По этому поводу существует разъяснительное письмо государственно-правового управления Администрации Президента России, подготовленное в ответ на обращение в администрацию руководства Следственного комитета РФ. Письмо, которое было продемонстрировано защитникам, разъясняет, что неважно, сколько раз прокурор возвращал дело, в каждом случае руководитель следственного органа может продлевать срок, даже если он давно превысил 12 месяцев.

Мы не собираемся подробно анализировать содержательную сторону ситуации. Сам факт обращения и наличия такого письма из Администрации президента показывают едва ли не крайнюю степень ведомственности процесса. И вот еще почему. Совершенно обратная позиция по этому поводу высказана Конституционным судом. Только следствие вместе с Администрацией президента считает ее неактуальной.

Примером попытки представителей системы МВД упростить себе жизнь служит появление одной из самых странных и непонятных процедур — процедуры сокращенного дознания (гл. 32. 1 УПК). Процедура эта мало кому понятна, в том числе и самим дознавателям. Процедура, описание сокращенности которой занимает намного больше места, чем описание общей процедуры. По информации, поступающей после введения процедуры, попытки применить сокращенную форму приводят к проведению дознания в общем порядке. Тем более что реальная экономия по сроку составляет не более 12 дней при идеальном течении сокращенной формы. А с учетом редкости идеального хода событий и того, что в любой момент можно вернуться к дознанию в общей форме с обычными для дознания сроками², можно говорить, скорее, об усложнении. В описании же самой процедуры прослеживается общая тенденция — когда все согласны, дело «очевидное», то желательно бы поменьше следственных действий, формальных процедур и обязательств.

Самый же яркий пример стремления упростить процесс и избавиться от него — особый порядок судебного разбирательства. Процедура, которая даже широко не обсуждалась при принятии УПК, созданная в противовес дорогому процессу с присяжными, стала для нашего процесса основной на сегодняшний день.

Вот как выглядит статистика за 2012 год: всего осуждено 764 263 человек, из них в особом порядке — 519 868, то есть 68 %³. Если принять за 100 % дела, по которым возможен особый порядок, то 72 % таких дел и рассматривались в особом порядке. Потенциал особого порядка при расширении перечня преступлений, по которым он возможен, — 80–85 % дел при сохранении той тенденции к росту, которая есть сейчас.

Расширение перечня составов преступлений, по которым возможен особый порядок, уже началось. Незаметно в июле был внесен законопроект от правительства — проект федерального закона № 321865–6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Что предлагается? Вот редакция ст. 314 УПК из проекта:

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 N 352-О «По запросу Промышленного районного суда города Оренбурга о проверке конституционности части шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Ч. 3. ст. 226.3 УПК РФ.

³ Судебная статистика на сайте судебного департамента // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным обвинением, в том числе о признании своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, за исключением размера денежной компенсации морального вреда, и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлении, наказание за которое, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает 15 лет лишения свободы, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой статьи 205, частью второй статьи 205.1, частью второй статьи 206, частями первой и второй статьи 209, частью второй статьи 210, частями второй и третьей статьи 211, частью первой статьи 281 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Во-первых, подтверждается тезис о том, что согласие с обвинением и признание вины все же разные вещи. Это лишний раз подчеркивает, что для осуждения в особом порядке не обязательно признавать вину. Важно согласиться с обвинением, неважно, по каким причинам. Ранее сторонники особого порядка указывали на то, что признание вины — важный фактор, который оберегает от осуждения невиновного без судебного следствия. Но это мелочи по сравнению с основным нововведением — особый порядок возможен по преступлениям, где предусмотрено до 15 лет лишения свободы. То есть общество лишается возможности получить результаты полноценного расследования по очень тяжелым преступлениям. А уполномоченные субъекты — возможности уметь их расследовать.

И вот здесь скрывается опасность для всего уголовного процесса и криминалистики в том числе. Упрощенные процедуры возвращают правоприменителя, когда из исключения перерастают в необходимую и удобную практику. Все уголовное судопроизводство и вся система сейчас направлены на то, чтобы дело перешло в особый порядок. Тогда следователь может не переживать за результаты своей работы, прокурор — своей. Судья тем более может не переживать.

Особый порядок — самый удачный на сегодня исход дела для правоохранительной системы. Так, за два месяца практики в небольшом районном суде края моя практикантка не попала ни на один процесс в общем порядке, тогда как в особом прошло почти двадцать таких процессов.

Один из основных аргументов для всех упрощенных процедур — снижение расходов бюджета. Об этом же пишут авторы законопроекта в пояснительной записке¹. Но верно ли торговать правосудием так открыто? Получается, что признается, что у нас нет механизма и бюджета расследовать дела полноценно. Вместо того чтобы противодействовать преступности, создавать дизайн оптимальной системы правоохранительных органов, реформировать образование следователей, прокуроров, судей — просто необходимость работать так, как это должно быть, сводится к минимуму.

Нельзя не признать важности экономических характеристик, но только ли от них должны отталкиваться, когда речь идет о правосудии — одном из основных признаков правовой жизни?

Другой момент — это как бы поощрение обвиняемого, его стимулирование к сотрудничеству со следствием, в том числе при заключении досудебного соглашения. Обвиняемый может рассчитывать на сокращение срока наказания. Но исследование Института проблем правоприменения² показывает, что в среднем сроки наказания в этих случаях назначаются даже большие, чем при рассмотрении в общем порядке. А в дополнение ко всему обвиняемый лишается возможности обжаловать приговор по ряду оснований.

Особый порядок — это деятельность по назначению наказания. Там нет уголовного процесса, так как нет исследования и установления фактов, что можно сделать, только непосредственно работая с доказательствами. И никакое даже самое качественное предварительное расследование не гарантирует осуждения именно того, кто виновен во вменяемом преступлении. Задача следователя — собрать и сохранить доказательственный материал для суда. Решая ее, он работает в условиях ограниченного срока и соблюдения тайны следствия. Так и должно быть, но при условии общего порядка, потому что иначе исчезает возможность выслушать всех заинтересованных и учесть их интересы и доводы по всем материалам. Для этого и нужна полноценная судебная процедура.

Государство также начинает получать выгоду от всего происходящего. Процедура особого порядка после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет с успехом «разоблачать» серьезные преступные группировки. И хотя формально осуждение одного из членов такой группировки не исключает оправдания остальных (преюдиции там нет и быть не может), в условиях нашей действительности приговор в особом порядке для одного фактически означает обвинительный приговор для остальных соучастников. Обвинительный приговор есть обвинительный. Судебная корпорация не сможет по-другому оценивать соучастников, так как уверена, что и в особом порядке судья приходит к внутреннему убеждению о виновно-

¹ Паспорт проекта Федерального закона N 321865-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования особого порядка судебного разбирательства) (внесен Правительством РФ) / СПС Консультант Плюс.

² Порядок особый — приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах // http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_gl_40_UPK_fin.pdf

сти. (Хотя они здесь путают внутреннее убеждение и обычную человеческую уверенность. Первое — результат непосредственного самостоятельного исследования. Второе — результат воздействия эмоциональных факторов).

Таким образом, в угоду сомнительной практике уголовный процесс постепенно практически полностью переходит в ведомственное регулирование. В первую очередь это серьезно бьет по праву на защиту. Как-то совсем далека от современного правоприменителя мысль, что возможность подозреваемого и обвиняемого защищаться — один из самых серьезных ресурсов для повышения эффективности его собственной работы. Под эффективностью мы подразумеваем достоверное установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Не важно, приведут они задержанного на скамью подсудимых или нет. Главное — разобраться. И здесь грамотная защита всегда поможет неангажированному следователю не быть односторонним.

Упрощая процесс, мы теряем связь с таким назначением его, как защита граждан от произвола. Каждая процедура в уголовном процессе не только направлена на раскрытие преступления, но и сбалансирована так, чтобы не допустить произвольных действий. Ведь именно в уголовном процессе, как ни в какой другой сфере, затрагиваются права гражданина.

Мы теряем профессиональных работников в правоохранительной среде. Теряем тех, кто умеет раскрывать преступления не путем различных воздействий на обвиняемого, не путем перевода дела в упрощенные процедуры, а через следы преступления и взаимодействие с различными источниками информации.

И, как бы банально это ни звучало, мы теряем веру в справедливое правосудие. Человек, общаясь с теми, кто побывал внутри уголовно-процессуальной машины, получая информацию из СМИ об уголовных делах, так или иначе начинает жить с ощущением, что «в случае чего ничего не докажешь». Здоровое ли это состояние человека в правовом государстве? Здорово ли общество, где законопослушный гражданин не чувствует себя защищенным?

Начинать же выправление ситуации, наверное, нужно с принятия нового, пронизанного одной идеологией, уголовно-процессуального закона, не сотканного из различных разнородных кусков, а представляющего собой единство целей, принципов и конкретных процедур.